

МАКСИМ
УДОВИЧЕНКО

СТАРАТЕЛИ САХАРЫ

Максим Удовиченко

Старатели Сахары

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8609154

Старатели Сахары: Фантастический роман. / М. Удовиченко: Эдитус;

Москва; 2014

ISBN 978-5-00058-134-6

Аннотация

Песок, пыль, палящий зной и... Что еще можно сказать о Сахаре? Жизнь российского военнослужащего в контингенте ООН сложна, трудна и порой необъяснима. Особенно вдали от родных березок, посреди бесплодной пустыни. Но героям в руки попала волшебная карта! В прямом смысле волшебная: они теперь наследники тайных знаний древнего мага и полезных советов его пронируливого слуги!

Содержание

Глава 1. Слуга звездочёта	4
...Тем временем во дворце халифа	10
Абдаллаха-Ибн-Ясина	
Поход Армии халифа	29
Глава 2. Посылка из глубины веков	54
Глава 3. Наследники древних манускриптов	65
Подельник	65
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Максим Удовиченко

Старатели Сахары

Посвящается тем, кто по причине авантюризма или по долгу службы уехал в далекие зарубежные края заниматься разными разностями, в том числе и в благих целях.

Выражаю признательность:

за творческие идеи, помощь в редактировании и оформление материала книги – Удовиченко Алексею, Удовиченко Дмитрию, Озеровой Евгении, Бекетовой Варваре;

за стойкость и терпение, проявленные при прочтении содержимого и просмотре рисунков к книге – Вадиму Смолянкину, Добронравовой Ирине, Тимофееву Николаю, Скороходову Валерию, Субботину Алексею, а также всем тем, кто вместе со мной не сомневался, что книга увидит свет.

*С уважением, автор текста и иллюстраций,
Максим Удовиченко*

Глава 1. Слуга звездочёта

Г. Аудагост, пограничная территория владений халифа Абдаллаха-Ибн-Ясина из династии Альморавидов, год 1056 (в настоящее время г. Тегдауст, провинция Восточный Ход республики

– Аль-Мажнун¹! Где ты, бездельник?! Да укоротит Аллах милостивый и милосердный твои гнусные дни! – кричал, негодуя, всадник в чёрной, расшитой золотыми звёздами и полумесяцами чалме и синем атласном халате, богато украшенном золотыми узорами.

– Я здесь, о, великий звездочёт халифа и мудрейший из прорицателей, достопочтенный Аль-Фарух-Ибн-Сауд! – отвечал невысокого роста человек с длинным носом, в большой остроконечной чёрной шляпе звездочёта. Неловко отодвинув полог шатра, он с кряхтением попытался выбраться наружу, цепляясь длинными рукавами чёрного халата за

¹ Аль-Мажнун в переводе с арабского языка – безумец.

нехитрые предметы кочевого обихода.

За откинутым пологом шатра отчётливо мелькнуло приятное лицо молодой берберки².

– Вот тебе пятьсот мискалей³, мешок золотого песка и три золотых динара⁴! Купишь двадцать невольников, десять верблюдов, пригодных для длительного перехода, тридцать муддов⁵ пшеницы, тридцать баранов и коз, специй же, воды и пряностей возьмёшь на сорок дней пути! Мы отправляемся завтра с рассветом! – произнёс Аль-Фарух, кидая тяжёлые выюки на песок перед склонившимся в почтении Аль-Мажнуном.

Затем со словами «Найдёшь меня в моём шатре!» он

² Берберы, которых так называли ещё греки, то есть, «варвары» – народы, жившие в Ливийской Сахаре, которые, спасаясь от римских легионеров, уходили в глубь пустыни, чтобы вести там свободную, хотя и полную лишений жизнь. Берберские племена – зената, санхаджа и годалла, – во II веке н. э. появились у Атлантического побережья Сахары. В оазисах они рыли колодцы, сажали финиковые пальмы и сеяли сорго. И сегодня те западносахарцы, которые занимаются земледелием, ведут свою генеалогию от этих племён.

³ Мискаль – денежная единица в виде золотой монеты, широко используемая в то время. По дошедшим до нас свидетельствам летописцев, на один золотой мискаль можно было приобрести порядка 10 овец. Обученная же невольница в Тимбукту (город, расположенный сравнительно недалеко от Аудагоста, на севере центральной части Мали, в 13 км к северу от реки Нигер, в настоящее время столица самопровозглашённого государства Азавад) стоила порядка 25 мискалей.

⁴ Золотой динар – денежная единица. Один золотой динар того времени был очень весомым в прямом смысле слова: это целых 4,729 граммов чистого золота.

⁵ Один мудд – мера объема того времени. Один мудд в Аудагосте равнялся 1,5 литрам жидкости или 2 килограммам зерна.

неожиданно исчез в клубах пыли так же, как и появился.

– Слушаю и повинуюсь, о, великий звездочёт халифа! – произнес Аль-Мажнун, обращаясь к тому месту, откуда ещё совсем недавно слышался голос его хозяина.

Взвалив мешки на спину, Аль-Мажнун побрёл вдоль тенистых акаций по дороге, ведущей в город. Лучи жаркого сахарского солнца, проходя чрез густые ветви акаций, прорезая клубы пыли, вздымавшиеся от стад овец и караванов верблюдов местных торговцев, напоминали библейские «столпы света», освещавшие путь утомлённых странников.

...Взвалив мешки на спину, Аль-Мажнун побрел вдоль

тенистых акаций по дороге, ведущей в город.

«Надо спешить! – думал Аль-Мажнун, тяжело ступая своими остроконечными сандалиями с загнутым верхом по пыльной дороге. – Хозяин серьёзен как никогда! В прошлый раз он обещал превратить меня в жабу за то, что я соблазнил дочку торговца финиками, а сейчас, если я буду нерасторопным, он выполнит своё обещание!» Так рассуждал он, волоча нелёгкую ношу.

Прямо у ворот города Аль-Мажнун увидел процессию всадников халифа Абдаллаха, стремительно продвигавшуюся меж склонившихся в почтении торговцев, путников и горожан.

– Слушайте! Слушайте! Имеющий уши да услышит! – кричал первый всадник в украшенном золотом чёрном тюрбане. – Повелитель правоверных, халиф Абдаллах, да укрепит его Аллах своей поддержкой, да окружит его своими милостивыми делами, выступает в поход в Магрибские земли, для обращения неверных в истинную веру! Да поможет ему Аллах великий, и да сохранит он повелителя правоверных! Всем же услышавшим милосердный халиф Абдаллах велит внести десятую часть своего дохода – в знак признания и одобрения деяний милосердных рук его! Отказавшихся внести мизерную плату ждёт неминуемая смерть!

Последние фразы всадника утонули в оглушительном рёве труб музыкантов халифа. Процессию сопровождали пе-

шие воины, бесцеремонно вырывавшие деньги, украшения и драгоценности из рук торговцев и горожан. Товар складывали в повозки, к ним же наспех привязывали верблюдов, скот и лошадей.

Узнав, что Аль-Мажнун является слугой великого Аль-Фаруха-Ибн-Сауда, воины халифа не взяли с него платы и беспрепятственно пропустили в город, не причинив ему вреда.

Пройдя знакомыми улочками, утопающими в зелени акаций, финиковых пальм и дикого винограда, Аль-Мажнун свернул у мечети на улицу, ведущую к рынку.

...Тем временем во дворце халифа Абдаллаха-Ибн-Ясина

Невысокого роста, сухощавый, с чёрной бородой и очень смуглым лицом, в синем тюрбане, украшенном золотом и сапфирами, в чёрном парчовом халате с золотой же вышивкой, халиф Абдаллах, повелитель племён и народов от Испании и до пределов царства Ганы, восседая на золотом троне, очень внимательно слушал своего военачальника Йахью-Ибн-Омара. Йахья-Ибн-Омар неторопливо излагал план предстоящего похода, стараясь как можно подробнее аргументировать те или иные свои предложения.

Дворец правителя Аудагоста, ещё два года назад принадлежавший выходцу из вождей чёрных племен сонинке⁶ могущественной империи Гана, был богато украшен золотом и драгоценными камнями.

Стены дворца изобиловали расписанными золотом фресками и сурами из Корана. Драгоценные камни, использованные в арабской мозаике, поражали воображение.

Золотой фонтан в окружении финиковых пальм с приятным журчанием раскидывал потоки воды, разлетающиеся на тысячи играющих на солнце алмазных брызг, создавая ат-

⁶ Сонинке – народ, живущий в основном на севере Мали, а также в пограничных с Мали районах Сенегала, Буркина-Фасо, Гамбии, Мавритании.

мосферу неописуемой восточной роскоши, умиротворения и прохлады.

Военный совет во дворце Халифа

– О, великий повелитель правоверных! – продолжал свою речь военачальник Йахья-Ибн-Омар. – Милостью Аллаха всемогущего и милосердного, мы не сможем сразу пойти

на великий магрибский город Сиджильмаса⁷, не усилив нашу армию пешими и конными воинами наших союзников. Из Аудагоста армия великого халифа выдвинется в город Тимбукту. Когда мы достигнем Тимбукту, правитель города Мусса-Ибн-Халид милостиво предоставит нам десять тысяч пеших и пять тысяч конных мессуфа⁸ для похода на отступников веры. Пополнив запасы воды и продовольствия в Тимбукту, мы выдвинемся в город Атар, и уже из Атара, мы обрушим наши клинки на головы неверных Магриба, – посвятил он в подробности плана великого правителя.

– План твой успешен, Йахья-Ибн-Омар, но что скажет великий Фарух-Ибн-Сауд, кому Аллах милостивый и милосердный доверил узнавать его волю по знакам и звёздам? – произнес халиф, обращаясь к предсказателю и звездочёту Аль-Фаруху.

– О, великий повелитель правоверных! План Йахьи-Ибн-Омара воистину безупречен, но звёзды говорят, что поход армии великого халифа обречён на бесконечные сражения с превосходящими силами неверных! – отвечал Аль-Фа-

⁷ Сиджильмаса (سجلماسة араб.) – средневековый город в Магрибе, на Юго-Востоке современного Марокко, в области Тафилальт, на берегах уэда (зимней реки) Зиз. Ныне – туристический объект в Марокко. Расцвету города способствовало выгодное расположение на транссахарских торговых путях в страны Западного Судана, богатых золотом; современники упоминают о невиданном богатстве обитателей Сиджильмасы.

⁸ Мессуфа – чернокожие племена, населявшие долину реки Нигер, территория современного Мали, Мавритании.

рух-Ибн-Сауд, внимательно всматриваясь в выражение лица халифа.

– Так ты предрекаешь поражение?! – теряя терпение вплоть до того, что поднялся с трона, произнес халиф.

– О, великий повелитель правоверных! Я не могу ничего предрекать, я лишь могу видеть волю Аллаха всемогущего и милосердного в знаках и звёздах, – сказал Аль-Фарух, склоняясь в почтении.

– У меня были совершенно другие намерения! Я собирался возглавить поход и дойти до магрибского города Фес, куда, как мне стало известно, по воле Аллаха милосердного, недавно прибыл мой учитель и наставник Абу-Имран-Мусса, – произнёс халиф, в раздумьях всматриваясь в сверкающие в лучах солнца брызги фонтана.

– О, великий халиф! – продолжал Аль-Фарух, почтительно склонившись перед повелителем, – Я понимаю, насколько важно для Вас увидеть великого учителя и наставника Абу-Имрана-Муссу. Но знаки Аллаха всевышнего и милосердного, которые мне удалось прочесть, указывают на то, чтобы Вы, о, великий и премудрый правитель правоверных, остались с частью войска в городе, – произнес Аль-Фарух в почтённом поклоне.

– Ты смелый человек, Аль-Фарух! Тебе всегда удавалось известными лишь одному тебе способами прочесть по знакам и звёздам волю Аллаха всевышнего и милосердного, – задумчиво произнёс халиф Абдаллах, – Я последую воле

Всевышнего и останусь в городе, армию же поведет в поход эмир Йахья-Ибн-Омар, – приняв непростое решение, заключил халиф, завершая совет.

– Слушаем тебя, о великий повелитель правоверных и повинуюсь! – ответили все собравшиеся, склонившись в почитении перед великим халифом.

* * *

Тем временем Аль-Мажнун уже сновал меж шумных рядов торговцев, настойчиво и наперебой предлагавших купить их товар. Он бросал лукаво – оценивающие взгляды на девушек и женщин, прихватил по привычке гроздь бананов и горсть фиников у зазевавшихся торговцев и вдруг совсем забыл о поручении хозяина, не удержавшись и всё-таки увязавшись за берберкой с весьма пышными формами.

Следуя за красавицей, Аль-Мажнун не заметил, как пересек площадь шумного рынка и оказался в роще финиковых пальм. Посреди опушки, на выгоревшей от солнца траве, на платяных выюках, аккуратно лежали куски соли⁹ различных размеров. Напротив каждого куска так же аккуратно были

⁹ Соль добывалась и привозилась в Аудагост, как правило, из соляной копи Тегаза, расположенной на Северо-Западе современного Мали. Добывали и привозили соль на продажу мессуфа, в большинстве случаев, чёрные рабы берберов-санхаджа.

выложены золотые слитки и мешки с золотым песком¹⁰. Ни секунды не раздумывая, со словами «У хозяина этого добра полно, а у меня совсем нет!», – Аль-Мажнун ловко закинул в свой мешок пару кусков соли и пару слитков золота.

¹⁰ Это была так называемая «молчаливая торговля», когда продавцы оставляли свой товар на определённом месте и уходили на безопасное расстояние, затем покупатели подходили за ним и оставляли взамен свой товар в количестве, эквивалентном, по их мнению, полученному. В те времена «молчаливая торговля» была широко распространена в городах Мали и Юга Мавритании.

Аль – Мажнун на рынке Аудагоста, занят привычными делами: ворует финики и выслеживает женщин.

Несмотря на тяжёлую ношу, в душе Аль-Мажнуна появилась внезапная радость, а в ногах необычайная лёгкость. Сандалии с загнутым верхом, почти не касаясь земли, несли его обратно в сторону рынка.

Взбираясь на высокую стену, отделявшую рынок от остальной части города, Аль-Мажнун услышал за спиной громкие крики преследовавших его торговцев.

– Держи вора! Он украл мою соль! – кричал обвязанный чёрной чалмой, в длинном коричневом халате, чернокожий мессуфа, то и дело на бегу стараясь выбрать удобную позицию для броска копья.

– Этот негодяй украл моё золото! – вопил одетый в синий тюрбан и ярко-оранжевые парчовые штаны бербер – санхаджа, размахивая кривой бедуинской саблей, яростно пытаясь опередить чернокожего мессуфа и первым настигнуть грабителя.

Перебравшись через увитую плющом и диким виноградом стену, не без труда увернувшись от ударившего рядом с ногой копья, Аль-Мажнун растворился в шумной толпе рынка.

Сбивая попадавшихся на пути прохожих и ловко перекачиваясь через повозки, груженные арбузами и дынями, Аль-Мажнун вдруг оказался у дверей лавки знакомого торгов-

да парчой. Машинально сунув в руку торговца маленький мешочек золотого песка, заблаговременно припрятанный в кармане халата, Аль-Мажнун исчез за дверями лавки.

– Мустафа! Скорее неси индиго¹¹ и одежду знатного сонинке, – выпалил Аль-Мажнун, переводя дыхание.

– Аль-Мажнун! Но здесь песка лишь на один тюрбан! – возмутился торговец.

– Я расплачусь с тобой, как только оденусь! Да, и ещё: ты меня здесь не видел! За это получишь отдельную плату! – произнёс Аль-Мажнун, запихивая колпак, халат и сандалии с загнутым верхом в холщёвый выюк.

¹¹ Индиго – мазь из индиго, тёмно-синего порошка растительного происхождения. Применяется по сей день мессуфа для защиты кожи от прямых солнечных лучей.

Аль – Мажнун уходит от погони.

Оглядев Аль-Мажнуна со всех сторон, торговец Мустафа отметил потрясающее сходство с вельможей сонинке. Синий тюрбан с серебряной заколкой в виде полумесяца в сочетании с коричневым халатом и синими парчовыми шароварами очень подходили к вновь приобретённому иссиня-чёрному цвету лица, рук и ног, подчёркивая знатность происхождения владельца.

Расплатившись с торговцем, Аль-Мажнун, уже в новом

обличии, направился выполнять распоряжения хозяина Аль-Фаруха. Не пройдя и десяти шагов от лавки торговца парчой, он внезапно наткнулся на своих преследователей.

– Смотрите, господин! – кричал чернокожий мессуфа берберу-санхаджа, указывая остриём копья на Аль-Мажнуна. – Это он! Это точно он!

– Да что ты говоришь! Глупый раб! Да укоротит Аллах милостивый и милосердный твой длинный язык! Тот был бербер, в большом чёрном колпаке и чёрном халате! А этот чёрный вельможа сонинке, в синем тюрбане, коричневом халате и синих парчовых шароварах! – произнёс, негодуя, бербер-санхаджа. – Скорее ищи вора!

И не раздражай меня своими глупыми домыслами! – добавил он, пытаясь разглядеть в бурлящей толпе рынка запомнившийся ему остроконечный колпак со звёздами.

* * *

Нагрузив дородных и весьма откормленных верблюдов бурдюками с водой, глиняными амфорами с зерном и тюками с продовольствием, накормив и напоив вновь приобретённых чёрных невольников и невольниц, Аль-Мажнун повел караван в направлении городских ворот.

– Узнает ли Аль-Фарух о моей «маленькой шалости» на рынке? – размышлял Аль-Мажнун, погоняя верблюдов и скот, и время от времени покрикивая на чёрных невольни-

КОВ.

Жаркое сахарское солнце медленно клонилось к горизонту, раскрашивая синюю гладь сахарского неба в мягкие розовые тона.

Аль-Мажнун вдруг вспомнил, как когда-то давно, когда он был катибом¹² и одновременно поверенным в делах самого эмира¹³ города Мема¹⁴, он за свою работу был пожалован четырьмя тысячами мискалей, но решил получить ещё такую же сумму, и не придумал ничего лучше, как пожаловаться эмиру, что деньги у него украли. Призвав верховного судью города Абу-Аль-Дауда, эмир пригрозил ему смертной казнью, если тот не доставит ему похитителя. Судья Абу-Аль-Дауд искал укравшего, но не нашел никого, ибо в городе не было ни единого вора. Тогда он явился в дом катиба Аль-Мажнуна и сурово допросил его слуг, угрожая им смертью.

И одна из невольниц Аль-Мажнуна сказала ему: «Ничего у него не пропало, просто он собственной рукой зарыл эту сумму в таком-то месте!», – и показала место судье. Судья извлек золото, принёс его эмиру, сообщив всю историю. Эмир разгневался на Аль-Мажнуна и изгнал его в страну неверующих, которые поедают людей. Аль-Мажнун пробыл у них четыре года, но потом, по личной просьбе звездочёта халифа Аль-Фаруха, эмир вернул Аль-Мажнуна обратно в

¹² Катиб – писарь (араб.)

¹³ Эмир города – градоначальник, управляющий городом.

¹⁴ Мема – район озер (Фагибин, Дебо и др.) к юго-западу от Тимбукту.

город и отдал его в услужение астрологу.

А чёрные не съели Аль-Мажнуна лишь из-за белого цвета его кожи, ибо они говорили, будто поедание белого вредно, так как он не созрел, чёрный же, по их мнению, значит созревший...

Рассуждая о своих злоключениях, и о доброте и премудрости великого прорицателя и звездочета Аль-Фаруха, Аль-Мажнун не заметил, как на пустыню опустились сумерки.

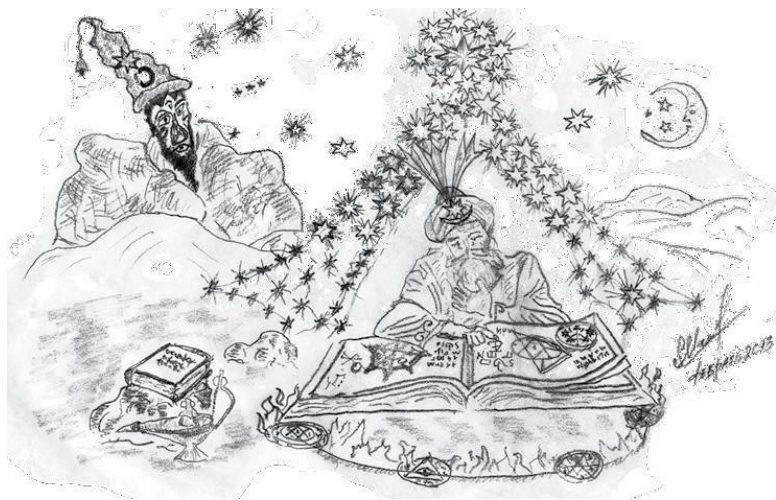
Уже через некоторое время полная луна на чистом и безоблачном небе в окружении мириад звёзд освещала путь каравана Аль-Мажнуна.

Добравшись до шатра Аль-Фаруха, привязав скот и развьючив верблюдов, он расположил невольников на ночлег в пальмовой роще, раздав всем циновки и разрешив развести огонь. Пересчитав ещё раз количество бурдюков, амфор и व्यюков, а также мешочки с остатками золотого песка, Аль-Мажнун направился к шатру хозяина.

Откинув полог шатра и позвав Аль-Фаруха, он, к своему удивлению, обнаружил, что шатер был пуст. «Где же он может быть? Ведь конь его здесь...», – рассуждал Аль-Мажнун, огибая пальмовую рощу и углубляясь в пустыню.

Взобравшись на бархан, Аль-Мажнун оцепенел от увиденного: огненный круг в свете луны и звёзд, похожий на небесный шатёр, весь светился от пиктограмм и магических знаков. В центре круга сидел Аль-Фарух, а перед ним словно повисла в воздухе открытая книга с горящими буквами неви-

данного ранее языка. Страницы книги перелистывались сами собой, при этом Аль-Фарух что-то записывал, не переставая повторять какие-то заклинания.

Испуганный Аль – Мажнун наблюдает звездочёта халифа в «небесном шатре».

Внимательно наблюдая из-за большого камня за происходящим, Аль-Мажнун вдруг услышал полные негодования вопли своего хозяина:

– Как? Преемник найдется через 941 год?! Их будет двое?! Что значит, один придёт с Севера, а другой наполовину с Севера, а наполовину с Востока?! Как, моя книга, в

которой собрано знание всех моих предшественников, будет принадлежать жуликам и пройдохам?! Что?! Ею будут убивать тараканов, и резать на ней солёную рыбу?! Кто такой Леопольд?!

Громкие крики Аль-Фаруха растворились в ночной пустыне, отозвавшись, как показалось Аль-Мажнуну, откуда-то из глубины песков чуть слышным эхом: «Такова воля, такова воля...» Как только затихли последние, едва различимые отголоски эха, потерявшись где-то между звёздным небом и величественными песками Сахары, в мгновение ока исчезли и книга, и огненный круг, и магические знаки, оставив великого звездочёта халифа наедине с молчаливой пустыней.

– Вот теперь-то уж точно надо спешить! – бубнил себе под нос Аль-Мажнун, ловко скатываясь с бархана.

* * *

Великий звездочёт халифа мог и не догадываться о существовании другой книги, которую его слуга Аль-Мажнун тайно писал для своего преемника. Обладая талантом к рисованию и достаточным словарным запасам для ведения хозяйственных дел, Аль-Мажнун не всегда понимал значение слов, которые не были связаны так или иначе с хозяйством. Поэтому мудрёное слово «преемник» он заменил на более для него понятное слово – «подельник», снабдив для нагляд-

ности каждую страницу своей книги красочными рисунками «из жизни».

Изрядно запыхавшись, Аль-Мажнун, как ему показалось, весьма быстро добрался до пальмовой рощи, где он расположил невольников, скот и верблюдов.

– Где ты ходишь, прохвост?! – услышал он вдруг за спиной знакомый голос своего хозяина, Аль-Фаруха. – Золото же, оставшееся от торговли, и пришедшее к тебе иным путем – оставь себе! До рассвета напои верблюдов и скот, а что накормил рабов и раздал всем циновки для ночлега – за это хвалю. За моим шатром найдёшь двадцать выюков, крепи их на верблюдов с великой осторожностью, эти вещи бесценны, – отрывисто распорядился загадочно возникший будто из песка великий звездочёт халифа.

Разворачиваясь в почтенном поклоне к неожиданно появившемуся хозяину, Аль-Мажнун всё-таки в свете луны уловил едва-едва заметную тень печали и тревоги на лице великого звездочёта.

– Приготовь караван к дальнейшему переходу! Не забудь укрыть все выюки и амфоры мешками из верблюжьей кожи, нас ждет нелёгкий путь, полный опасностей и невзгод! – услышал Аль-Мажнун последние фразы хозяина, отозвавшиеся пришедшим откуда-то со стороны бескрайней пустыни эхом, в котором Аль-Мажнун отчётливо различил несколько раз повторившиеся слова: «Путь невзгод, путь невзгод».

– О, великий и милосердный прорицатель халифа! Что означает «путь невзгод»? – попытался спросить Аль-Мажнун, всё ещё склоняясь в почтении.

Но этот вопрос, как, впрочем, и большинство его вопросов, остался без ответа. Лишь мягкий свет, струившийся от зажжённых амфор сквозь слегка покачивающийся полог шатра, говорил ему о том, что хозяин только что вошёл, и, видимо, очень занят приготовлениями к предстоящему длительному путешествию по бескрайним пескам великой пустыни.

– Сколько же тайн знает великий звездочёт халифа! И книга с горящими буквами, и этот странный голос пустыни со словами, – «Такова воля», или – «Путь невзгод»! А что означают его слова «Золото, пришедшее к тебе иным путём»?! А вдруг он догадался о моей маленькой проделке на рынке, ведь о нём говорят, что он видит сквозь стены, да что там сквозь стены, поговаривают, что он может видеть сквозь время! – бубнил себе под нос Аль-Мажнун, направляясь к своей небольшой хижине с соломенной крышей и бамбуковыми стенами.

– Надо скорее записать всё, что я видел сегодня, в мою книгу, а ещё сделать несколько рисунков, для наглядности! – бормотал Аль-Мажнун, пробираясь на карачках в узкий, похожий на барсучью нору, вход в своё жилище.

Разведя не без труда огонь, Аль-Мажнун подпалил обильно смазанный бараньим жиром и добела иссушенный солн-

цем кусок коряги, служивший ему в качестве лучины, и очень бережно достал из походной сумки, сшитой наспех из двух мешков верблюжьей кожи, завернутую в платяную тряпицу заветную книгу с неброским названием *المعلم على قيفرل تنك*¹⁵ – «Тебе, подельник».

Разложив на камне книгу, Аль-Мажнун принялся рисовать. Для начала он изобразил сюжет с пышнотелой красавицей берберкой, снабдив рисунок подробным описанием того, что так притянуло его к этой женщине, а также добавил детальную схему местности обитания подобных экземпляров. Затем запечатлел момент с совершенно случайной находкой золотых слитков, мешков с золотым песком и здоровенных кусков соли, не забыв в коротких фразах добавить от себя, что такие чудесные находки возможны лишь, когда ты пытаешься настигнуть действительно эффектных женщин.

– Что такого в этом переходе?! Откуда вдруг этот «путь невзгод»?! – рассуждал Аль-Мажнун, рисуя сцену с переодеванием в знатного вельможу сонинке, снабдив её высказыванием: «Мажнун белый хорошо, а Мажнун чёрный ещё лучше».

Аль-Мажнуну не раз приходилось пересекать бескрайние пески Сахары то с караванами торговцев из Сиджильмаса, то с отрядами воинов из Тимбукту, двигаясь по камням проле-

¹⁵ *المعلم على قيفرل تنك* – Тебе, товарищ по работе (подельник)

гавшей через Сахару древней дороги. Караван шёл, не сворачивая с колеи. Много поколений путешественников погибло, пока она была протоптана, и если ветер пустыни наметал песок, отыскать её помогали верблюды. Несомненно, Аль-Мажнун знал, что им предстоял долгий и опасный путь из Аудагоста в Магрибские земли, и много испытаний предстояло перенести путешественникам. Их ожидали жажда, болезни, опасность нападения разбойников и хищных зверей. Днем предстояло терпеть невыносимый солнечный зной, ночью – холод. К этому прибавлялись и бедствия войн, которые халиф Абдаллах-Ибн-Ясин постоянно вёл для расширения границ халифата.

– Какие ещё «невзгоды», кроме тех, которые мне давно знакомы, упомянул хозяин, если наш караван идет с армией халифа?! – недоумевал Аль-Мажнун, рисуя сцену, где он покупает верблюдов, не забывая при этом умыкнуть горсть фиников у отвлекшегося по соседству торговца.

Дополняя рисунок кратким описанием происходящего, Аль-Мажнун вдруг услышал, чуть робкие, но довольно отчётливые звуки птичьей трели – «тики-тики-та, тики-тики-та», – доносившиеся откуда-то из глубины пальмовой рощи.

– Скоро рассвет, опять не удалось поспать! Нужно покормить скот, напоить верблюдов и собирать караван! – досадуя, бубнил Аль-Мажнун, заворачивая книгу в платяную тряпицу и запихивая её в походную сумку.

Едва показавшаяся на ещё прохладном сахарском небе рассветная заря возвестила о себе громким рокочущим звуком труб музыкантов халифа, смешавшимся с лязгом оружия, скрипом повозок и пронзительным рёвом верблюдов многочисленных караванов, выдвинувшихся обозами с армией халифа. Поднимая клубы пыли и песка, рядом с Аль-Мажнуном, завершающим последние приготовления к переходу, пронеслись передовые отряды конницы.

– Присоединяйся к караванам обоза! Меня найдёшь в конном отряде эмира Йахьи-Ибн-Омара! – распорядился Аль-Фарух, седлая коня и исчезая в клубах пыли.

– Слушаю и повинуюсь, о, великий звездочёт халифа! – пробормотал почтенно склонившийся Аль-Мажнун вслед исчезающему в клубах пыли хозяину.

Поход Армии халифа

Завидев караван знакомого ему торговца, Аль-Мажнун, не раздумывая, направил своих верблюдов вслед замыкавшей процессию повозке, доверху нагруженной разнообразным товаром.

Тем временем Аль-Фарух-Ибн-Сауд, нагнав передовой отряд всадников халифа, с трудом различил сквозь густые клубы пыли знакомые очертания фигуры всадника, наглухо обязанного чёрной чалмой, в тёмном атласном халате.

– Да пребудет с тобой милость Аллаха, великого и милосердного! – приветствовал он всадника в чёрной чалме.

– Салам Алейкум, о, великий предсказатель! Что заставило тебя отправиться в путь, итог которого ты сам же предрек как неудачу? – вернул приветствие Йахью-Ибн-Омар, с трудом скрывая сарказм.

– Я редко ошибаюсь, о, великий эмир халифа Абдаллаха-Ибн-Ясина! И ты об этом знаешь, – спокойно отвечал Аль-Фарух, не обращая внимания на иронию в голосе полководца. – Но до меня дошли слухи, что в Тимбукту прибыл великий учёный, ученик и преемник самого Аль-Басри¹⁶, Аль-

¹⁶ Ибн-Аль-Хайсам (965–1039 гг.) – в европейской литературе – Альхазен, был родом из Басры (Ирак), жил в Египте. Известен как алхимик, математик, физик, врач. Первым изучил строение глаза, изготовил модель хрусталика сначала из хрусталя, а затем из стекла. Он же первым предложил использовать линзы при чтении людям преклонного возраста, таким образом, изобрёл очки; объяснил

Максуд-Ибн-Хорезми, – объяснил Аль-Фарух значимость своего путешествия.

– Аль-Басри?! Того самого шарлатана, который пообещал египетскому халифу Аль-Хакиму¹⁷ построить плотину на реке Нил, и ничего не сделал, а вдобавок ко всему оказался сумасшедшим¹⁸? А его ученик и приемник – Аль-Максуд-Ибн-

преломление лучей в средах глаза, зрительные восприятия; дал названия отдельным частям глаза (хрусталик, роговица, стекловидное тело и др.). Особе место среди его трудов занимает Книга оптики (Китаб-Аль-Маназир). Ибн-Аль-Хайсам продолжил исследования Евклида о природе света. До него оптика древних знала только простейшие эмпирические законы световых явлений: закон прямолинейного распространения света в однородной среде; закон отражения света от поверхностей зеркал. Изучение работ Ибн-Аль-Хайсама впоследствии привело к изобретению подзорной трубы, а позднее и телескопа.

¹⁷ Халиф Аль-Хаким – годы правления (996–1021). Несмотря на то, что мать халифа была христианкой, а два дяди служили епископами греческой православной церкви, Аль-Хаким обрушился на христиан с преследованиями, сравнивал с землей тысячи церквей, заставил верующих носить чёрные одежды и кресты размером метр на метр. Иудеев он принудил надевать деревянное ярмо, да и мусульмане-сунниты также сталкивались время от времени с дурным обращением. В 1009 году халиф приказал уничтожить храм Гроба Господня в Иерусалиме, что вызвало волну возмущения в Европе и послужило предлогом к началу Первого крестового похода. Вновь пострадали и женщины, их свободы постоянно урезались, со временем им вообще запретили появляться в общественных местах, а сапожникам велели не брать заказы на изготовление женской обуви, чтобы женщинам не в чем было выйти на улицу.

¹⁸ Эпизод из жизни великого ученого Аль-Басри. Когда до египетского халифа Аль-Хакима дошел слух о том, что Ибн-Аль-Хайсамом составлен проект регулирования вод Нила с помощью плотины южнее Асуана, он пригласил его в Египет. Однако на месте Ибн-Аль-Хайсам убедился в невозможности этого проекта при технических средствах того времени (подобный проект был осуществлен только в XX веке с помощью России). Узнав об этом, Аль-Хаким разгневался на Ибн-

Хорезми – не тот ли это магрибский маг, способный получать золото из песка и пыли?! – с торжеством обличения, без сомнения победоносно, как ему показалось, задал вопрос Йахья-Ибн-Омар. – О нём говорят, что он использует силы Иблиса¹⁹, а если так, то он опасный человек, и учение его противно Аллаху всевышнему и вредно для правоверных, – добавил он, лишая, как ему показалось, Аль-Фаруха любой возможности к оправданию как учителя, так и ученика.

– О, достопочтенный эмир Йахья-Ибн-Омар! Упомянутые вами как шарлатаны и колдуны люди являются по сути своей великими учёными, обратившими силы природы во благо правоверного мира! А если говорить о великом приемнике Аль-Басри, Аль-Максуде-Ибн-Хорезме, то поверьте мне, что учение Аллаха всевышнего он почерпнул из Корана в городе Фес, окончив самое престижное медресе вместе с великим учителем халифа Абдаллаха-Ибн-Ясина-хафизом²⁰ Абу-Имраном-Муссой, – рассыпая на части все искусно выстроенные эмиром разоблачения, спокойно заключил Аль-Фарух.

– Негодяи! Да, лишит их Аллах всевышний дара речи! Ре-

Аль-Хайсама, подверг его домашнему аресту и конфисковал его имущество. Для спасения жизни Ибн-Аль-Хайсам был вынужден симулировать сумашествие до самой смерти Аль-Хакима. При его преемниках он получил свободу и жил в Каире в почете до своей смерти.

¹⁹ Иблис – дьявол (араб.)

²⁰ Хафиз – хранитель Корана, запоминающий его наизусть, мусульманин, причисляемый к духовному сословию ввиду знания всего Корана наизусть.

шили меня обмануть! И ввели меня в заблуждение, оболгав и оклеветав достойных учёных!

Я немедленно распоряжусь, чтобы их предали смерти! – достаточно на его взгляд гневно произнес Йахья-Ибн-Омар. – Я надеюсь, наш разговор, о, достойный Аль-Фарух, не дойдет до ушей халифа Абдаллаха-Ибн-Ясина? – добавил он, уже не скрывая горечи провала своей неудавшейся попытки уличить Аль-Фаруха, и внимательно вглядываясь в выражение лица звездочёта.

– Можешь не сомневаться, о, великий эмир Йахья-Ибн-Омар! Да, будет Аллах великий и милосердный свидетелем моих слов! Весь наш разговор будет лишь достоянием пустыни! – заверил звездочёт халифа.

Полководец халифа даже не предполагал, что двумя годами ранее, в Танжере²¹, Аль-Максуд-Ибн-Хорезме пообещал Аль-Фаруху, что по чертежам самого Аль-Басри сконструирует подзорную трубу, способную многократно увеличить небесную карту звёзд. А поход армии халифа предоставил Аль-Фаруху великолепную возможность отправиться в Тимбукту и встретиться с великим ученым.

На пятый день пути перед путниками предстал, блистая в лучах восходящего сахарского солнца золотыми крышами

²¹ Танжер (араб. – Танджа) – крупный портовый город в Марокко с населением 907 тыс. человек (перепись 2008 года). Находится на северном побережье Марокко, омывается Гибралтарским проливом. На момент событий, конечно же, с гораздо меньшим населением.

глиняных минаретов, таинственный город ученых, философов, врачей и магов – Тимбукту.

* * *

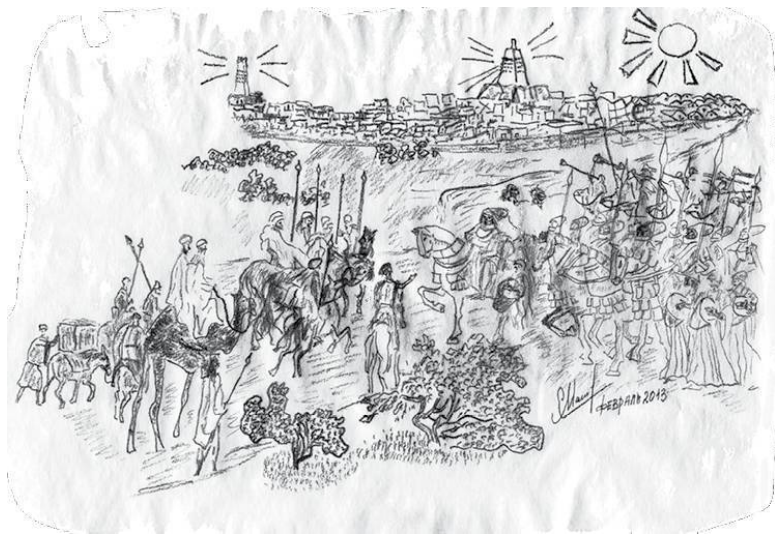
Отделившись от городских ворот едва заметной дымкой и по мере приближения обретая различные силуэты, к передовым отрядам халифа приближалась конная процессия воинов в богато украшенных золотом доспехах и остроконечных золотых шлемах. Её возглавляли знатные сановники и музыканты, а впереди ехал сам градоначальник Мусса-Ибн-Халид.

– Приветствую тебя, о, великий полководец халифа Абдаллаха-Ибн-Ясина, волею Аллаха всевышнего повелителя и заступника правоверных, непобедимый Йахья-Ибн-Омар! – громогласно воскликнул градоначальник Тимбукту, и его последние фразы утонули в оглушительном реве труб и бое барабанов придворных музыкантов.

В сопровождении процессии градоначальника, под несмолкаемые оглушительные звуки труб и барабанную дробь, армия халифа вошла в город Тимбукту через огромные, искусно вырезанные из редких сортов африканских деревьев и изыскано украшенные серебряным орнаментом главные ворота.

Радясь возможности отдохнуть и вдоволь насладиться всеми прелестями городской жизни после изнуряющего пу-

тешества по пескам Сахары, Аль-Мажнун, пройдя сквозь городские ворота, не задумываясь, повёл свой караван в сторону городского рынка.

Армия халифа подходит к городу Тимбукту

За годы работы в городе Мема, странствий с караванами торговцев и воинов, многочисленных водных путешествий по реке Нигер Аль-Мажнуну не раз приходилось останавливаться в Тимбукту. Обладая крайне любопытным и вороватым нравом и вдобавок хорошей зрительной памятью художника, он без особого труда усвоил нехитрую геометрию улиц и площадей Тимбукту. Обзаведясь полезными, по его

мнению, знакомствами в лице торговцев специями, разносчиков лепёшек, продавцов ювелирных украшений²² (коиими Аль-Мажнун щедро одаривал миловидных женщин за, как он сам любил поговаривать, приятные часы общения), он очень быстро вписался в среду горожан.

Вот и сейчас, пройдя через городские ворота, он уже вынашивал скромные планы на день, мило отвечая на приветствия и поздравления со счастливым прибытием от то и дело появлявшихся в толпе знакомых жителей города.

– Да свершит Аллах великий над тобой свой праведный суд! Наконец-то ты появился, проходимец! Ты помнишь, что обещал мне подарить несметное количество прекрасных стеклянных бус за ту незабываемую ночь, которую ты, о, гнусный проходимец, провел со мной! А что взамен?! Сбежал рано утром, оставив ничтожный мешочек золотого песка?! – вскричала возмущенная красавица-берберка в тёмно-синем халате, как назло внезапно возникшая сразу за процессией магов в чёрных, украшенных золотыми полумесяцами тюрбанах и расшитыми золотым шитьем жёлтых халатах.

«Только её мне не хватало! Вот ведь неприятность!», подумал про себя Аль-Мажнун, но, находясь в седле верблюда на относительно безопасном расстоянии от разгневанной

²² Под ювелирными украшениями, весьма распространёнными и ценившимися всеми женщинами халифата того времени, подразумеваются разнообразные стеклянные бусы – «Ан-Назм», золото же, безусловно, имело ценность, но было настолько широко распространено и доступно, что считалось обыденным.

женщины, довольно уверенно ответил:

– Приветствую тебя, о, прекрасная Латифа! Да продлит Аллах твои прекрасные дни! В то незабываемое утро произошло страшное недоразумение, и по причине недостаточности света я перепутал карманы халата и случайно достал мешочек золотого песка вместо прекрасных стеклянных бус! Но, да будет Аллах Всевышний свидетелем моих добрых намерений, я вскоре все исправлю! – рассыпаясь в извинениях, старался он загладить «мелкие неприятности» минувших дней.

– Смотри, проходимец! Ты знаешь, где меня найти! – грозно сверкнув глазами сквозь узкую прорезь платка добавила берберка, растворившись в толпе горожан.

– Как бы она не нажаловалась хозяину... – размышлял Аль-Мажнун, внося существенные коррективы в казалось бы так искусно задуманные «скромные планы» на день.

Мерно раскачиваясь в седле в такт неспешной походки верблюда, Аль-Мажнун продвигался по знакомым узким улочкам небольших глиняных домов с искусно выпиленными полуциркульными окнами (впоследствии получившими известность как «мавританские окна»). Вдруг под сенью раскидистой акации он, к своему изумлению, увидел сидящего Аль-Фаруха. Склонившись над книгой и нанося на страницы весьма замысловатый чертёж, тот с большим интересом выслушивал рассказ двух старцев в тёмных, украшенных семи-конечными звёздами тюрбанах и тёмных же, расшитых зо-

лотыми узорами халатах.

– Разобьёшь мой шатер в роще акаций на берегу реки, полы шатра устелешь коврами, приготовишь ужин, у нас сегодня будут гости! Я же прибуду к закату солнца! Ты слышишь меня, прохвост? – не отрываясь от чертежа, распорядился Аль-Фарух.

– Слушаю и повинуюсь, о, великий звездочёт халифа! – взвизгнул от неожиданности Аль-Мажнун, почувствовав, что хозяин способен контролировать и давать ему распоряжения, даже не видя его.

* * *

Аль-Мажнун, усердно и в назначенный срок выполнявший все поручения хозяина, даже не подозревал, что его появление, как, впрочем, и многие другие события будущего, были прочитаны великим магом по звёздной книге. Вереница порой странных и не поддающихся объяснению случайностей имели для Аль-Фаруха вполне закономерную последовательность.

Отменив свои «скромные планы» на день, Аль-Мажнун, жмурясь от ярких лучей солнечного света, отражавшихся от украшенных золотом фасадов высокой глиняной мечети, развернул свой караван, обогнув знакомую улицу разбросанных в шахматном порядке невысоких глиняных домов, напоминавших шары или полусферы, и направился в обратный

путь обустроить походный лагерь в указанном хозяином месте.

В монотонном стрекотании цикад жаркое солнце медленно катилось к закату, окрашивая своими теряющими дневную силу лучами темные воды реки Нигер в светло-лиловые тона и время от времени в ослепительном мерцании отражаясь глянцевыми бликами от спин нежащихся в прохладной воде бегемотов. В неясно различимом гуле, доносившемся со стороны города Тимбукту, сначала чуть слышно, а затем все отчетливее, Аль-Мажнун уловил топот копыт приближающихся всадников.

Аль-Фарух и ещё один всадник в тёмном, украшенном семиконечными звёздами²³ тюрбане и жёлтом, расшитом золотом халате остановили коней возле шатра.

– Распорядись подать чай, а ужин подашь после заката! Завтра с рассветом пополнишь запасы воды, продовольствия и дров! В полдень мы отправляемся в Атар! Пять золотых динаров и мешок золотого песка получишь сегодня же! – как всегда отрывисто давал указания звездочёт халифа, вручая поводья лошадей в руки расторопного слуги.

²³ Семиконечна звезда – звезда магов. Звезда магов имеет именно семь лучей по числу основных планет. Во многих оккультных книгах это число связано с Творцом вселенной (семь дней Создания Мира, семь нот, семь цветов радуги и т. д.). В нумерологии число семь олицетворяет оккультизм, философию, а человека превращает в мага и исследователя, учителя и отшельника.

– Рад приветствовать тебя в моем скромном жилище, о, достопочтенный Аль-Максуд-Ибн-Хорезме! – произнес Аль-Фарух, откидывая полог шатра и пропуская гостя вперёд. – Помнится, в Танжере мы говорили о возможности конструирования подзорной трубы по чертежам великого Аль-Басри? – продолжил Аль-Фарух начатую ранее беседу, располагаясь на коврах и наливая себе и гостю чай, только что принесенный чёрной невольницей на серебряном подносе.

– О, достопочтенный Аль-Фарух! Чертежи и расчёты моего учителя оказались настолько подробны, что мне частично удалось собрать подзорную трубу! – радостно поделился успехом Аль-Максуд. – Это невероятно! Мне казалось, что это невозможно! Но хвала Аллаху!

Я нашёл прекрасных мастеров-ювелиров в городе Дженне²⁴, способных по моим чертежам изготовить из золота отдельные части трубы! Долгое время прохождение лодок по реке Нигер было небезопасно из-за низкого уровня воды²⁵,

²⁴ Дженне – один из древнейших городов в Африке южнее Сахары основан около 800 г. н. э. Расположен в пойме реки Нигер, в Мали, в 354 км к юго-западу от Тимбукту.

²⁵ Судосходность Нигера зависит от его половодья или мелководья. Кроме того, в реке множество стремнин и водопадов. В верхнем течении Нигера до Тимбукту половодье бывает с июля до начала января, во время муссоновых дождей в низовьях реки.

но с приходом дождей в низовьях реки судоходство возобновилось! Со дня на день я ожидаю лодку с недостающими деталями подзорной трубы! – восторженно продолжал Аль-Максуд. – И это будет мой скромный подарок тебе, о, достопочтенный Аль-Фарух, подарок, который, я уверен, позволит с большей точностью наблюдать за положением звёзд и производить расчёты событий! – завершил Аль-Максуд, дружески хлопая звездочёта по плечу.

– Благодарю тебя, о, великий учёный Аль-Максуд! Надеюсь, на обратном пути из города Фес мы остановимся в Тимбукту, и я стану первым обладателем великого изобретения! – в словах благодарности Аль-Фаруха проникательно Аль-Максуду всё-таки удалось различить едва заметные нотки печали.

– Дабы ободрить тебя, о, великий звездочёт, скажу, что я приехал к тебе не с пустыми руками! – торжественно, с присущей магам таинственностью, в очередной раз объявил Аль-Максуд, доставая из свёртка стеклянный предмет круглой формы в золотой оправе, изящно пристёгнутый к золотой цепочке.

– Что это? – удивился Аль-Фарух, разглядывая предмет.

– Мой учитель, назвал этот чертёж **والكسوم** – «монокль», а я лишь воплотил его идею в жизнь, добавив разве что золотую цепочку и небольшое крепление для рукоятки.

– А что можно делать с помощью этого приспособления? – с любопытством изучая совершенство золотой оправы, спро-

сил Аль-Фарух.

– Он способен увеличивать размеры предметов на расстоянии, например, облегчает чтение книг для людей со слабым зрением, позволяет наносить мельчайшие рисунки и узоры художникам, ювелирам и резчикам по дереву. Для удобства я разработал рукоятку, которая крепится к моноклю специальным зажимом, – вот так, – продемонстрировал Аль-Максуд моноклю в сборе.

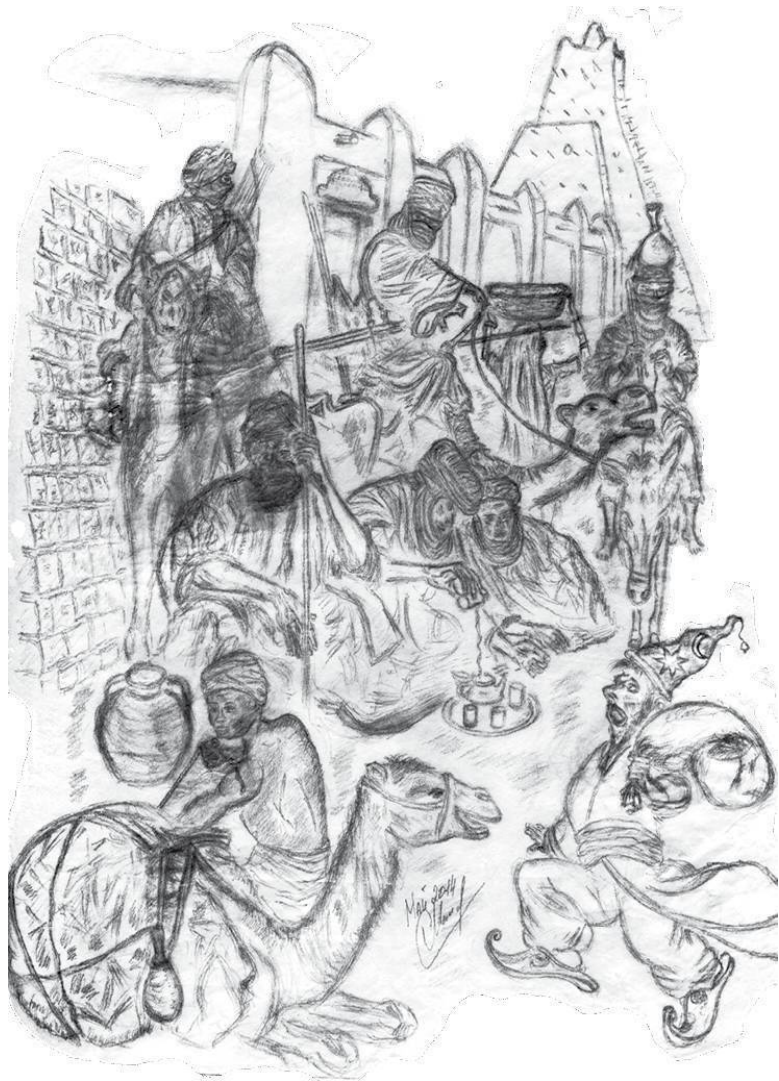
– Невероятно! – произнёс Аль-Фарух, пробуя прочесть несколько строк своей книги вооружившись моноклем. – А для чего нужна золотая цепочка? – поинтересовался он, всё ещё восхищённо разглядывая рисунки и чертежи своей книги при помощи монокля.

– Монокль можно вкладывать в глазную впадину и зажимать между бровью и щекой, – вот так, – в очередной раз продемонстрировал Аль-Максуд. – А золотую цепочку можно крепить к любой петле твоего халата при помощи защёлки, – добавил Аль-Максуд, закрепив цепочку монокля к петле на своём халате.

– Восхитительно! Воистину Аллах Всевышней одарил тебя премудростью! – в очередной раз воскликнул Аль-Фарух, изумлённый простотой и гениальностью изобретённого великим учёным предмета.

– Но это ещё не всё, о, достопочтенный Аль-Фарух! – продолжал Аль-Максуд удивлять звездочёта. – Зная о твоей кочевой жизни и о том, как в путешествиях тебе нужна твоя

великая книга знаний, я дарю тебе предмет, который защитит её не только от солнца, ветра, воды и песка, но и, может быть, от самой большой превратности, перед которой человек бессилен – от времени! – произнёс он, с улыбкой радущия протягивая звездочёту красивый футляр из кожи с золотой надписью «Книга Аль-Фаруха-Ибн-Сауда, Милостью Аллаха Всевышнего Звездочёта Халифа Абдаллаха».

Караван Аль – Мажнуна на улицах Тимбукту

– Благодарю тебя, о, искуснейший из мастеров! – растроганно произнес Аль-Фарух, примеряя обложку своей книги к подаренному футляру. – А для чего здесь две потайных ниши? – снова удивился он, отодвигая еле заметные обтянутые кожей золотые пластины и находя там небольшие углубления.

– Всё гораздо проще, чем ты думаешь, уважаемый Аль-Фарух! – добродушно улыбаясь, продолжал творить чудеса Аль-Максуд. – Мастера из города Дженне выполнили эти ниши точно в соответствии с моими чертежами: одна – для хранения монокля, другая же – для хранения позолоченной рукоятки.

– Превосходно! – воскликнул окончательно поражённый изобретательностью и дальновидностью великого учёного Аль-Фарух, помещая подаренный монокль и рукоятку в ниши футляра и пробуя работу замков.

Ещё долгое время в шатре великого звездочёта продолжались споры и обсуждения. Лишь незадолго до рассвета Аль-Максуд, радушно распрощавшись с Аль-Фарухом, направился обратно в город.

* * *

Несмотря на безжалостно палящее солнце, полуденный

зной на берегу реки казался не таким гнетущим. Аль-Мажнун, вернувшись из города с продовольствием, водой и дровами, неспешно руководил невольниками, снаряжавшими караван в дальнейший путь.

Аль-Фарух уже сидел в седле, когда до берега реки донеслись первые отголоски рёва труб выступающей в поход армии халифа.

– Веди караван к концу обозов, тебя будут сопровождать конные воины халифа! Где искать меня, ты знаешь! – распорядился Аль-Фарух, направляя своего коня в сторону городских ворот.

* * *

Продвигаясь от оазиса к оазису, армия халифа медленно шла по древнему караванному пути. Нестерпимая дневная жара после захода солнца сменялась пронизывающим холодом, так как песок, камни и воздух быстро остывали, заставляя изнывающих от холодного ветра путников кутаться в тёплые одежды. Ночью издали доносился протяжный голодный вой шакалов.

Ближе к полудню десятого дня пути Аль-Мажнун почувствовал необъяснимую тревогу. Воздух ещё был чист и спокоен, но в нём уже разливалась странная тяжесть. Внезапная тишина сковала пески – шорохи и звуки пропали вместе с ветром, пустыня буквально замерла. Резко навалившаяся

духота усиливала тягостное состояние охватившей всех тревоги. В раскалённом воздухе слышались чарующие звуки – довольно высокие, певучие, очень мелодичные, с сильным металлическим оттенком, они неслись отовсюду, словно их производили невидимые духи пустыни. Пустыня была так же безмолвна, но звуки летели и растворялись в неподвижном воздухе, возникая откуда-то сверху и пропадая будто бы в землю.

– Не к добру эти песни, – сказал идущий соседним караваном знакомый торговец. – Песок Эрга поет, зовёт ветер, а с ним примчится и смерть... – добавил он, с тревогой всматриваясь вдаль.

То весёлые, то жалостливые, то пронзительные и крикливые, то нежные и мелодичные, звуки напоминали разговор живых существ, но никак не звуки мёртвой пустыни... Никакие древние сказания не могли придумать чего-либо более поразительного и чудесного, чем эти таинственные песни песков... Но в раскалённом воздухе слышалось уже приближение чего-то нового, ужасного, холодящего душу. Верблюды, перестав слушаться погонщиков, с протяжным рёвом метались, теряя дорогу. Станным образом потеряв ориентацию, к каравану Аль-Мажнуна вдруг прибились дикие обитатели Сахары – пустынные газели. Пугливые от природы животные спокойно шествовали в караване, идя между людьми и верблюдами.

Внезапно появившееся на горизонте маленькое облако

быстро разрасталось, превращаясь в чёрно-багровую тучу. Постепенно небо на горизонте начало розоветь, затем стало принимать фиолетовый оттенок. Вскоре уже мутное солнце едва пробивалось сквозь быстро несущиеся песчаные тучи. Становилось трудно дышать, казалось, что песок вытеснил собою воздух и заполнил всё вокруг. С бешеной скоростью, обжигая и сдавливая дыхание, ураганный ветер сбивал путников с ног, срывая и унося нагруженные сотнями килограммов тяжёлые верблюжьи сёдла, перекатывая, как горох, огромные неподъёмные камни.

Спасая свою жизнь, сброшенный из седла верблюда первым яростным порывом жаркого, колючего ветра, Аль-Мажнун лёг на землю и плотно закрыл голову одеждой. Тучи жгучего песка нещадно секли всё живое, затмевая полуденное солнце. В вое и свисте ветра пропадали все остальные звуки. Казалось, что сам воздух обратился против путешественников.

Лишь только ближе к вечеру, когда ветер стих, Аль-Мажнун с ужасом увидел последствия стихии.

Повсюду валялись разбитые амфоры вперемешку с предметами домашней утвари, разорванные выюки с продовольствием и истерзанные ураганом полотнища из верблюжьей кожи, совсем недавно бывшие бурдюками с водой.

Лишившись в одночасье большей части продовольствия и, что самое ужасное, воды, эмир Йахья-Ибн-Омара, собрав уцелевших лошадей, верблюдов и скот, был вынужден вы-

слать отряд такшифов²⁶ в расположенный в шести днях пути от Атара город Тишит²⁷.

В письме к градоначальнику Тишита он указал трагические обстоятельства, вынудившие его обратиться к нему со столь срочной просьбой.

* * *

Казалось, злой рок не переставал преследовать армию халифа. На смену разрушительному урагану пришла другая, не менее страшная беда.

Мучимые жаждой и изнуряющим зноем ведущие армию халифа чернокожие мессуфа вдруг стали уводить передовые отряды совершенно в другом направлении, говоря, что именно там они ясно видят очертания города Тишит.

По советам опытных проводников Йахья-Ибн-Омар то и

²⁶ Такшифы – так называют людей из племени мессуфа, которых, как правило, нанимали погонщиками караванов для того, чтобы они поехали в близлежащий город – с письмом к друзьям, чтобы те приготовили заранее жилища для путешественников. Эти люди выходят навстречу каравану на расстоянии четырех дней пути и приносят с собой воду.

²⁷ Тишит (араб. **تَشِيت**) – древнее укрепленное поселение (ксар), а также небольшой, частично заброшенный, современный город в мавританской провинции Такант. Совместно с ксарами Уадан, Шингетти, Уалата является памятником Всемирного наследия ЮНЕСКО. Также известен как Тишит – «город-призрак» в самом сердце пустыни. Из 5 тыс. жителей города регулярно проживают в нём не более 500, остальные продолжают вести образ жизни, свойственный всем кочевым племенам страны.

дело останавливал передовые отряды, приказывая разводить костры, чтобы убедиться, мираж перед ними или реальность. Стелящийся по ветру дым быстро разгонял очертания города и передовые отряды поворачивали в нужном направлении.

Опытный полководец, Йахья-Ибн-Омар знал не понаслышке о том, что ждало путников, увлекаемых миражом. Ещё свежи были воспоминания, как год назад один из его отрядов численностью в шестьдесят человек и девяносто верблюдов погиб в пустыне, следуя за миражом, который увлёк их на шестьдесят километров в сторону от колодца.

По прошествии десяти дней пути, пополнив запасы воды и продовольствия в городе Тишит, армия халифа вступила в город Атар²⁸.

Молчаливые и безлюдные улицы встретили эмира Йахью-Ибн-Омара. Лишь ветер Сахары едва заметно шевелил листья акаций на пустынной площади города.

– Где же все жители города? Что здесь произошло? Что заставило всех покинуть город? – спрашивал он Аль-Фаруха, надеясь получить ответ хотя бы на один из вопросов.

– Я знаю столько же, сколько и вы, о, великий эмир Йахья-Ибн-Омар. Но если вы дадите мне возможность задержаться

²⁸ Атар (араб.) – город в Мавритании, крупнейший населённый пункт на плато Адрар. Является административным центром провинции Адрар и департамента Атар. Через город проходит трасса ралли Париж-Дакар. Также известен как Атар («место быстрых песков»).

здесь и провести ритуал с использованием моих тайных знаний, я надеюсь, что получу ответы на ваши вопросы, – отвечал Аль-Фарух, оглядывая брошенные дома.

– Мы не задержимся здесь, – произнёс эмир Йахья-Ибн-Омар и, как показалось Аль-Фаруху, в глазах эмира промелькнула какая-то догадка, – Армия пройдёт Атар, не оставиваясь в нём, – добавил он, принимая решение.

Оставшись в небольшой мечети на окраине города, Аль-Фарух пообещал эмиру Йахье-Ибн-Омару присоединиться к нему, как только он закончит ритуал.

С необъяснимой тревогой в сердце эмир Йахья-Ибн-Омар вывел армию халифа из покинутого города. Продвигаясь на север, армия халифа проходила песчаной дорогой, окаймленной цепью горных плато.

* * *

Раскатистые звуки труб неожиданно огласили горные склоны, заполнив узкий пустынный каньон переливающимся громогласным эхо. Слово под воздействием чудовищного смерча пески Сахары всколыхнулись и поднялись стеной²⁹, из которой с устрашающим рёвом на армию наброси-

²⁹ Нападение из песка, в том числе верхом на лошадях или верблюдах – излюбленный приём берберов того времени. Находясь в заблаговременно отрытом в песке рве, закрытом бамбуковой решёткой, прикрытой пропускающей воздух материей и присыпанной песком, воин годалла мог долгими часами выжидать

лось многотысячное конное войско злейших врагов халифа – берберского племени годалла³⁰. С пологих гор на головы оборонявшихся обрушился град стрел.

– Хозяин! Скорее бежим! Они идут сюда! – кричал взволнованный и до смерти напуганный Аль-Мажнун.

– Кто они? Куда идут? – спросил Аль-Фарух, сидя перед раскрытой книгой и скрупулёзно нанося замысловатый чертёж, сплошь усеянный таинственными знаками.

врага.

³⁰ Годалла – берберское племя наряду с санхаджа.

Карта маршрута продвижения армии халифа

– На нас напали полчища годалла, эмир Йахья-Ибн-Омар погиб в сражении, армия разбита! – сбивчиво продолжал выкрикивать Аль-Мажнун.

– Сбылось всё самое худшее! Бери мою книгу, выюк со свитками и выюк с золотом! Прячь всё здесь, в мечети! Да так хорошо, как только ты один умеешь! – воскликнул Аль-Фарух, вручая Аль-Мажнуну выюки и книгу. – Найдёшь меня у одинокой скалы у входа в город! Надеюсь, нам удастся уйти от преследования! – добавил он, всматриваясь через узкое овальной формы окошко вдаль пустыни, куда ещё совсем недавно ушла на верную гибель армия халифа Абдалаха.

Найдя под самым куполом мечети небольшую дверь, Аль-Мажнун, открыв её, обнаружил несколько очень удобных проёмов в стене. Сделав пару набросков в своей книге, он положил книгу хозяина вместе со своей «заветной книгой» в проём, аккуратно сложил свой колпак со звёздами, халат и сандалии в отдельный холщёвый мешок, разместив его там же, и, со словами: «Подельник найдет, ему приятно будет!» – снабдил бесценные предметы парой мешочков золотого песка. Выюк с золотом и выюк со свитками он разместил в другом проёме. Завалив все ниши песком и камнями и переодевшись в одежду вельможи сонинке, он быстро спустился во двор и, оседлав верблюда, скрылся вслед за хозяином.

Глава 2. Посылка из глубины веков

*Г. Атар, провинция Адзар, республика
Мавритания, год 1991*

– Гнусные негодяи! Они ещё узнают, как выгонять нас из страны³¹! – грозил кулаком в сторону, как ему казалось, Нуакшота³², чернокожий пулемётчик Ибрагим-уалид-Мустафа, умело орудуя лопатой внутри торчащего из песка разбитого купола древней мечети. – Пусть только попробуют сунуться! Гнусные берберы! Я нашпигую их свинцом! – негодую, расчищал позицию для своего пулемёта потомок мессуфа Ибрагим-уалид-Мустафа.

Неожиданно его лопата ударилась обо что-то твёрдое. Раскопав ещё немного, он вдруг различил кусок древней двери, плотно закрывающей собой проём.

«Это откуда здесь взялось?!», размышлял Ибрагим-уа-

³¹ Имеется в виду мавритано-сенегальский пограничный конфликт 1989–1991 года. Вспышка насилия на этнической почве между сенегальцами и мавританцам, в долине реки Сенегал, разразилась в середине апреля 1989 года, после убийства двух чёрных сенегальских крестьян мавританскими пограничниками. Данный инцидент перерос в вооружённый конфликт между двумя государствами и вынудил чернокожих граждан Мавритании бежать из страны, так как они стали подвергаться нападкам со стороны коренного населения – мавров. Было много грабежей и кровопролития с обеих сторон, по меньшей мере, 250 тыс. человек покинули свои дома и стали беженцами.

³² Нуакшот – столица Мавритании.

лид-Мустафа, продолжая с ещё большим усердием откидывать песок лопатой. Полностью откопав дверь, он попытался открыть её. Дверь не поддавалась. Со словами «Так не хочешь открываться?! А я тебя всё равно открою, не будь я Ибрагим-уалид-Мустафа!» – он заложил тротилковую шашку рядом с дверным проёмом. От взрыва дверь раскололась на части. Оказавшись внутри небольшой комнаты в лучах света, за многие сотни лет вновь проникших в это место, он заметил край какого-то предмета, выступающего из-под выбитого взрывной волной камня. Разобрав завал из камней и песка, Ибрагим с удивлением извлёк большой холщёвый мешок, две книги и два небольших мешочка, аккуратно перевязанных бечевой.

– Ибрагим! Что здесь происходит?! Что за взрывы?! – услышал он за спиной голос командира отряда повстанцев, Мухаммеда-уалид-Муссы.

Со словами «Дай посмотрю! Что там у тебя?!» – Мухаммед-уалид-Мусса, аккуратно отодвинув пулемётчика Ибрагима, взяв в руки большой холщёвый мешок.

– Это что за маскарад?! Берберы совсем из ума выжили! – негодовал он, попыхивая серебряной трубочкой, набитой отборной травой, и внимательно рассматривая остроконечный колпак со звёздами, халат и сандалии с загнутым верхом.

«Книга Аль-Фаруха-Ибн-Сауда, Милостью Аллаха Всевышнего Звездочёта Халифа Абдаллаха» – прочитал он надпись на книге в кожаном футляре.

– Что за глупое берберское имя! Аль-Фарух! Да ещё и звездочёт халифа! Что за должность такая?! Не тот ли это командир берберских повстанцев, Абдаллах?! Тот вроде тоже называет себя халифом! – не унимался Мухаммед-уалид-Мусса, рассматривая сложные чертежи и магические символы древней книги. – Воистину, берберам заняться нечем! Лучше бы другую книгу оставили, с банковскими счетами! – воскликнул он, швыряя книгу на пол и беря в руки другой том, с надписью «Тебе, Подельник».

– Посмотри, Ибрагим! Эти берберы над нами издеваются! – пригласил он пулемётчика взглянуть на рисунки обнажённых женщин, и то и дело появляющееся изображение чудного карлика с длинным носом, в остроконечном чёрном колпаке со звёздами, чёрном халате и остроконечных сандалиях с загнутым верхом.

Пулемётчик Ибрагим-уалид-Мустафа готовит позицию для пулемёта в развалинах старой мечети, и натывается на старинную дверь

– Хвала Аллаху! Видимо, кто-то из наших чёрных братьев всё-таки наставил этих глупых берберов на путь истин-

ный, – произнёс Мухаммед-уалид-Мусса, высыпая на глазах изумлённого пулемётчика Ибрагима содержимое мешочков себе в руку. – На это мы сможем приобрести тысяч пятьдесят фальшивых долларов и как минимум три килограмма «волшебной» травы, – оценивающе перебирая пальцем золотой песок вперемешку с небольшими золотыми слитками в своей ладони, восхищённо выстраивал планы командир повстанцев.

* * *

Чернокожий парнишка лет тринадцати, в чёрной чалме и синем халате, уверенно шёл по пескам Сахары в направлении города Атар, время от времени покрикивая на двух тащивших зелёные ружейные ящики и постоянно выражавших своё недовольство протяжным рёвом ослов.

За осликами, устало перебирая ногами, брели два брата-контрабандиста – Вань Шань и Донг Жо. Следуя древнему китайскому принципу «Пострелял – продай другому», они скупили за бесценок партию изношенного оружия у повстанцев Сенегала и собирались выгодно её продать всё тем же повстанцам, но только в Мавритании.

Смазав наспех все детали оружия верблюжьим жиром и наклеив везде, где только можно, наклейки с надписью «Made in China», сохранившиеся от партии бананов, они намеревались получить за свой товар весьма кругленькую сум-

му.

– Ненавижу Африку! Здесь так жарко! – изнывая от полуденного зноя, бормотал Донг Жо, утомлённо волоча ноги по раскаленному песку и то и дело поливая голову из бутылки с минеральной водой в надежде спастись от палящего солнца.

– Мустафа! Моя совсем уставала! Атара мы пришли когда? – спросил Вань Шань на ломаном английском погонщика Мустафу.

– Скоро будем, китайская командира! – ответил ему Мустафа на таком же ломаном английском.

* * *

– Командир Мухаммед! К вам какие-то китайцы пожаловали! Говорят, оружие для вас привезли! – произнес, войдя в комнату командира, дежуривший у входа боец-повстанец, наспех поправляя сбившуюся кепку.

– Вели им войти! – распорядился командир Мухаммед-уалид-Мусса, раскуривая трубку с «волшебной» травой.

– Здравствуйте, о великая командира! Пулемёта, миномёта, прям с завода, с парохода, из Пекина, из Харбина, всё для вас! – подскочив к самому столу командира, начал на ломаном английском торговаться Вань Шань, внимательно и очень пристально, согласно древнекитайским торговым обрядам, всматриваясь в глаза покупателя.

– Что он такое говорит?! Или мне трава какая-то крепкая

попалась?! – недоумевая, спросил Мухаммед-уалид-Мусса погонщика Мустафу, разглядывая свою серебряную трубку.

– Он говорит, командир Мухаммед, что у него есть для вас четыре ящика оружия, – ответил, не вдаваясь в подробности, погонщик Мустафа.

– Спроси его, Мустафа, сколько он хочет за свой товар? – сказал командир Мухаммед, отодвигаясь подальше от пытавшегося приблизиться вплотную и заглянуть ему в глаза Вань Шаня.

– Он говорит, десять тысяч долларов его устроит, – отвечал невозмутимо Мустафа, переводя условия сделки на английский язык.

– Скажи ему, пусть покажет товар! – распорядился командир Мухаммед, вставая из-за стола и направляясь к выходу.

Открыв один из ящиков, командир Мухаммед вытащил весь украшенный наклейками «Made in China» АК–47, достал из своего подсумка магазин, передёрнул затвор и, прицелясь в пустую канистру, возвышавшуюся над ближайшей мусорной кучей, дал длинную очередь.

– Ааа!!! – закричал Вань Шань, обхватив голову руками – распознав тот самый автомат, который уже более сорока лет довольно плотно путешествовал по Африке, Вань Шань ожидал как минимум утыкания патрона в патронник или разрыва изношенного ствола.

Но, как ни странно, вся изрешечённая пулями канистра, отлетев на пять метров от мусорной кучи, спокойно лежала

посреди дороги, а лицо командира Мухаммеда светилось в довольной улыбке.

– А что это он так заорал? – спросил командир Мухаммед довольного зрелищем погонщика Мустафу.

– Он говорит, что это у них в Китае так выражают радость удачной сделки, – ответил погонщик Мустафа, дословно, как ему показалось, переведя невнятное бормотание Вань Шаня.

– Отлично Вань Шань, мне нравится твой товар, и я даю тебе за него три тысячи долларов, но, в знак особого уважения и нашей дружбы я дарю тебе две очень полезных книги и некие очень нужные тебе вещи! – торжественно произнёс командир Мухаммед, обращаясь к Вань Шаню.

– Но это же грабёж! Мы договаривались о другой сумме! – пытался возразить Вань Шань, услышав перевод Мустафы.

Неожиданно комната командира Мухаммеда наполнилась вооруженными и весьма серьёзно настроенными людьми из его отряда, и Вань Шаню вместе с Донг Жо пришлось согласиться с озвученными условиями.

– Отлично! – произнёс командир Мухаммед, вручая Вань Шаню деньги, – А теперь о памятных подарках в честь нашей дружбы, – торжественно произнес он, доставая книги и холщёвый мешок. – Я вижу, Вань Шань, что у тебя очень большая семья, такая большая, что не влезет в обычную машину! – очень торжественно начал Мухаммед, – И ты знаешь, я очень долго думал об этом, и решение было найдено! – продолжал он, делая паузы, чтобы Мустафа смог перевести его

речь. – Я решил тебе подарить очень ценную книгу, которая совершенно случайно попала мне в руки, там очень много разных чертежей, по которым ты легко можешь собрать самолёт и беспрепятственно возить свою семью на рынок за бананами! – произнёс командир Мухаммед, торжественно вручая Вань Шаню книгу Аль-Фаруха. – А тебе, уважаемый Донг Жо, в знак нашей памятной встречи я дарю прекрасную книгу восточной моды, изучив которую и приодевшись в описанные здесь наряды, ты с лёгкостью сможешь кружить головы вот таким вот женщинам, – открыв книгу, продемонстрировал командир Мухаммед рисунки обнаженных женщин, а затем и самого Аль-Мажнуна в остроконечном колпаке, халате и остроносых сандалиях с загнутым верхом, занятого похищением фиников у торговцев. – И, к твоему великому счастью, уважаемый Донг Жо, у меня совершенно случайно оказался такой наряд! – выкладывая колпак, халат и сандалии из холщёвого мешка, произнес командир Мухаммед, попыхивая серебряной трубкой.

Видя, что торг более не уместен и сделка завершена, Вань Шань и Донг Жо, сложив книги и одежду в холщёвый мешок, умело, как, впрочем, и все китайцы, изображая улыбки радушия, со словами «Спасибо тебе, о, великая командира!», быстро выскочили из дома.

– Вань Шань! Нужно отсюда поскорей выбираться! – крикнул брату Донг Жо, запрыгивая на осла.

– Вези нас скорей, хитрая чёрная мальчика, на железный

дорога! – кричал появившемуся в дверях Мустафе, негодуя, Вань Шань, сидя верхом на осле и нервно болтая короткими ножками.

– Мы уже отправляемся, о, великая китайская команда! – ответил погонщик Мустафа, прикрикнув на ослов.

Вечером того же дня, расплатившись с погонщиком Мустафой, братьям Вань Шаню и Донг Жо после долгих часов ожидания всё-таки удалось запрыгнуть на площадку между вагонами сбавившего ход товарного поезда.

Добравшись на рыбацком сейнере от мавританского города Нуакшот до Сенегала и проведя там ещё ряд относительно удачных бизнес-операций, братья Вань Шань и Донг Жо оказались в Республике Буркина Фасо³³, где им не по своей воле пришлось задержаться.

Три года спустя братья Вань Шань и Донг Жо, освободившись из тюрьмы провинциального города Кунгуду Республики Буркина Фасо, куда они были помещены за попытку подкупа фальшивыми долларами начальника местной полиции, полные решимости прекратить своей маленький бизнес в Африке и начать новый, более прибыльный, в родном Китае и его окрестностях, покупали в кассах местного аэропор-

³³ Буркина Фасо (фр. *Burkina Faso*, до августа 1984 года – Верхняя Вольта) – государство в Западной Африке. Граничит с Мали на севере, с Нигером на востоке, с Бенином на юго-востоке, с Того и Ганой на юге, с Кот-д'Ивуаром на юго-западе. Название «Буркина Фасо» означает «родина честных людей» (в переводе с языка мооре «буркина́» – «честные люди», в переводе с языка дыула «фасо» – «родина»).

та два билета рейсом «Уагадугу³⁴ – Пекин».

³⁴ Уагадугу – столица государства Буркина Фасо.

Глава 3. Наследники древних манускриптов

Подельник

Зима середины 90-х годов. Сибирский уездный посёлок.

На заснеженную тайгу опустились сумерки. Холодный морозный ветер раскачивал тускло светящийся фонарь, висящий под козырьком входа в просторную сибирскую избу-ресторан.

Повесив свой потёртый армейский сюртук на плотно застрявший в массивном кедровом бревне нож разведчика, Леопольд Гульнарлович, чуть менее года назад окончивший курсы для военного люда, собирающегося послужить за рубежом, мечтательно сидел за столом провинциального сибирского ресторана «Кедр». На плече Леопольда Гульнарловича, уютно примостившись и внимательно обозревая окрестности, восседал енот-полоскун Теодор, который менее года назад пришёл к Леопольду Гульнарловичу из таёжной чащи, да и прижился. Поначалу Леопольд Гульнарлович пытался приобщить Теодора к стирке трусов, носков и про-

чего мелкого белья, но Теодора неумолимо, словно неведомой силой, тянуло в ресторан, и после непродолжительных препирательств со стороны таёжного обитателя Леопольд Гульнарлович был вынужден уступить.

Покалывая грецкие орехи рукояткой легендарного американского армейского пистолета «Колт 1911», он, время от времени хитро прищуриваясь сквозь початую бутылку водки «Распутин» с надписью на этикетке «Купишь ещё одну и узнаешь, как он подмигивает!», обращался к своему соседу, бурятскому военному по имени Бато³⁵.

– Эх, Бато! А в Северном Шаолине³⁶ всё по-другому! Да и народ там другой! Не то, что в Южном!

– Премного с вами согласен, Леопольд Гульнарлович! Совершенно не тот народ! Никакого сравнения! – так же прищуривая, отвечал бурятский военный Бато, наливая себе почти до краёв, а Леопольду Гульнарловичу чуть меньше половины.

– Ты что же это вытворяешь, бурятский народный человек?! Ты зачем мне по Южному Шаолинскому стилю наливаешь?! Что, решил, будто у меня здоровье чахлое?! Давай сюда мою Северную Шаолинскую кружку, негодник! –

³⁵ Бато – сокращение от полного имени Батыр, употребляется в разговорной форме.

³⁶ Шаолинь (кит. упр. **少林寺**, пиньинь: Shàolínsì) – буддистский монастырь в центральном Китае (провинция Хэнань, г. Дэнфэн). Расположен на горе Суншань.

внезапно распознав подвох, Леопольд Гульнарлович схватил и залпом выпил наполненный до краёв стакан.

– Смотри, Бато! У нас в Северном Шаолине очень древние и суровые обычаи! – закусывая грецким орехом, погрозил пальцем Леопольд Гульнарлович незадачливому бурятскому военному.

* * *

Вернувшись в родную часть в далёкий сибирский уездный посёлок, Леопольд Гульнарлович в очередной раз, несмотря на его протесты и редкие стихийные митинги под окнами директора треста численностью в бригаду, всё-таки был назначен директором небольшого предприятия численностью в роту.

Пришедший чуть более года назад из далёкого уездного Забайкальского треста на должность директора треста Семён Петрович категорически не внимал, казалось бы, таким весомым доводам Леопольда Гульнарловича, как то: «Немедленно переведите меня в Форт Брэг, я уже с комендантом договорился, меня там ждут!», или «Эх, засиделся я здесь, а в Северном Шаолине для меня должность монаха-смотрителя выхлопотали!»

Леопольд Гульнарлович с енотом Теодором на плече в ресторане «Кедр»

Отличаясь крайней романтичностью нрава и дюжинной пронырливостью, Леопольд Гульнарлович с недавних пор взял моду грустить по Северному Шаолиню.

К слову сказать, ещё до окончания курсов в подмосковном Змерзногорске он слыл отважным мотоциклистом, бесстрашным байкером, наводящим тёмными сибирскими ночами громким рокотом мотора мотоцикла «Урал» с неис-

правным глушителем ужас и панику на обитателей военного городка.

Но однажды, во время построения всего, так сказать, производственного треста численностью в бригаду ничего не подозревающий директор треста Семён Петрович никак не мог принять доклад от своего зама о готовности треста к проведению развода на производственные работы в связи с отсутствием директора одного из предприятий, небезызвестного Леопольда Гульнаровича.

Внезапно, после более получаса ожидания, громкий рокот мотора приближающегося транспортного средства раскатисто огласил окрестности. Сначала перед строем треста численностью в бригаду бодрой рысью, оставляя за собой весьма значимые следы в виде увесистых лепёшек, с протяжным мычанием пробежал десяток заплутавших в тайге коров местных жителей. Минутой позже, в облаках выхлопных газов и пыли, на плац с устрашающим рёвом вырвался из таёжной чащи мотоцикл «Урал» с коляской. Из коляски с крайним удивлением, отдавая воинское приветствие, на сослуживцев сквозь очки пилота смотрел одетый в лётный шлем военнослужащий Бато. Одной рукой придерживая руль, другой отдавая воинское приветствие застывшим по стойке смирно военнослужащим различных по численности предприятий, с развевающимся на ветру кашне, Леопольд Гульнарович, чуть приподнявшись в седле «Урала», торжественно повернув голову к подразделениям, промчался пе-

ред строим треста численностью в бригаду. Пролетая мимо своего подразделения, военнослужащий Бато вдруг неожиданно для себя закричал:

– Ура, товарищи!

И весь производственный трест совершенно случайно ответил ему громким и раскатистым троекратным «Ура!!!».

– Поймаааать!!! Мать! Мать!!! Этих рокеров!!! Немедленно!!! – гневно кричал директор треста Семён Петрович, топая ногами и грозя кулаками в сторону автопарка, куда меньше минуты назад в клубах пыли и выхлопных газов с оглушительным рёвом скрылся на полном ходу мотоцикл «Урал» с коляской.

Ближе к полудню, после долгих часов погони, когда в баке мотоцикла иссяк весь бензин, удалось схватить отчаянно протестовавшего и апеллирующего к высшим инстанциям Леопольда Гульнаревича и военнослужащего Бато.

Необъяснимые ощущения *déjà vu*³⁷ посетили вдруг главного директора производственного треста. Вспомнился незабываемый перелёт в составе высокого руководства, посадка на парашютах в далёкой Монголии, улыбающееся лицо Аристарха – организатора перелёта, бегство от монгольских пограничников, да и много других подробностей той далёкой истории, странным образом схожей по своей абсурдной сути с сегодняшним инцидентом.

Услышав очень веские доводы Леопольда Гульнаревича,

³⁷ *Déjà vu* – уже видел (фр.)

мол, «мой верный конь меня неожиданно понёс, а такое с верными конями случается!», Семён Петрович, пристально всматриваясь в добродушные глаза своего подопечного, не без оснований начал подумывать о срочном повышении Леопольда Гульнаровича, и желательно за пределами нашей страны.

– Узнают тогда супостаты, увидев его, как империалистические планы вынашивать! – рассуждал Семён Петрович, готовя наш ассиметричный ответ разжигателям войны. И со словами: «Пусть вздрогнет неприятель!» – аккуратно вписал в лист разрядки на военнослужащих, убывающих для обучения в Змерзногорск, имя Леопольда Гульнаровича.

После тщательного анализа взлётов и падений, руководствуясь исключительно высокими мотивами, вынужденный вернуться после курсов в Змерзногорске в трест Леопольд Гульнарович решил, на радость руководству, забросить полную тревог жизнь байкера и переквалифицироваться в поборника традиций и наследия монастыря Северный Шаолинь.

Уже в новом качестве духовного сподвижника, развесив в канцелярии директора предприятия численностью в роту подобие китайских гирлянд, похожих на те, что он видел в фильмах про монастырь Шаолинь, он ювелирно привязал к ним на ниточках маринованные огурчики, помидорчики, армейские галеты и даже пельмени. Приводя в гости своих друзей и по совместительству тоже директоров предприятий

разной численности, он с удовольствием показывал, как он считал, подобие монастыря Северный Шаолинь в отдельно взятой канцелярии.

Разливая всем в армейские кружки до краев, как ему казалось, по древней Северо-Шаолиньской традиции, прозрачного горячительного напитка, со словами: «Вот так тренируются в Северном Шаолине! Это вам там не какие-нибудь южане!», он весьма проворно, с победным криком шаолиньских монахов «Гам Бэй»³⁸, опрокинув армейскую кружку, подпрыгивал, проглатывая свисавший над головой пельмень или маринованный огурчик.

Время шло. Как-то Леопольд Гульнарлович, выменяв на рынке у бурятского торговца на основательно початую бутылку спирта «Royall» обветшалый и повидавший виды шифоньер, карабкался, взбираясь на таёжную, покрытую молодыми елями и вековыми кряжистыми кедрами сопку с поклажей на спине.

– Гульнарыч! Погодите! Там вас главный директор зовёт! – услышал Леопольд Гульнарлович встревоженный голос за спиной. – Там вас все ищут! А что это у вас такое на спине? – поравнявшись с Леопольдом Гульнарловичем, удивлённо спросил военнослужащий Бато. – Говорят, вам там направление в Северный Шаолинь прислали! – восторженно добавил Бато, ощупывая рукою шифоньер на спине Леопольда Гульнарловича.

³⁸ Гам Бэй – на здоровье (кит.)

– Наконец-то! – радостно воскликнул Леопольд Гульнар-
рович, перекладывая шифоньер на широкие бурятские пле-
чи военнослужащего Бато. – Поаккуратнее! Это антиквари-
ат, X век династии Дзинь, из канцелярии самого настоятеля
Северного Шаолиня! – напутствовал Леопольд Гульнар-
ович согнувшегося под тяжестью бесценного груза военн-
ослужащего Бато.

Леопольд Гульнар-
ович и военн-
ослужащий Бато вылетают
из таёжной части на плац

...вежливо постучавшись и дождавшись разрешения, Леопольд Гульнарлович вошёл в кабинет главного директора промышленного треста численностью в бригаду.

Смешанные чувства радости избавления и грусти расставания овладели главным директором треста численностью в бригаду при виде вошедшего Леопольда Гульнарловича.

– Ну что, Гульнарыч! Дождался? Зовут тебя срочно в Москву! Сдавай дела и должность, рассчитывайся!

И в путь! – озабоченно и с едва уловимой грустью произнёс главный директор Семён Петрович, вручая Леопольду Гульнарловичу телефонограмму с пометкой «Срочно».

* * *

Неделю позже, поздним морозным вечером, с большой походной сумкой через плечо и невзрачной котомкой с домашними пирожками, Леопольд Гульнарлович стоял на заснеженном сибирском полустанке в ожидании поезда Пекин-Москва.

В клубах снежной пурги, прорывая таёжную мглу ярким светом фар тепловоза, к полустанку подошёл долгожданный поезд.

Зайдя в купе вагона и никого там не обнаружив, Леопольд Гульнарлович неспешно уложил вещи, в блаженном предвкушении тихого и беззаботного путешествия достал из котом-

ки пирожок и, непременно намереваясь его откусить, открыл рот.

Неожиданно в дверь купе Леопольда Гульнарovichа раздался интенсивно-настойчивый и громкий стук с криками, очень напоминавшими крики о помощи.

– Открывай моя! Я пришла к тебя! Чайника, конфета, наклейка, табурета! Всё отдам тебя! Много денег давай моя! – услышал Леопольд Гульнарovich звучный голос за своей дверью.

Дверь была не заперта, и поэтому внезапно раскрылась. По ту сторону её на Леопольда Гульнарovichа, замершего с открытым ртом и всё ещё собиравшегося вкусить пирожка, смотрел невысокого роста китаец в тибетейке, с длинной козьей бородкой и в чёрном, расшитом жёлтыми драконами халате.

– Ты кто?! – отложив пирожок, изумлённо спросил Леопольд Гульнарovich.

– Я тебя китайская друга! Которую тебя ждала! – невозмутимо ответил китаец с козьей бородкой на ломанном русском языке.

– Какая-такая друга, которую моя ждала? А ну-ка поясни! – начиная приходить в себя и наливая себе в армейскую кружку, как обычно, до краёв успокоительного, решил уточнить Леопольд Гульнарovich.

Воспользовавшись моментом, пронырливый китаец, следуя вышеупомянутым древнекитайским принципам ведения

торговли, быстро втащил огромные сумки и здоровенных размеров коробку, перемотанную скотчем. Спустя секунду он уже стоял вплотную перед Леопольдом Гульнарвичем, внимательно заглядывая ему в глаза и со словами «Китайский кроссовка хорошо!», тыкал ему в нос изношенным кедом.

– Исчезни, нечисть! – попытался отогнать китайца Леопольд Гульнарвич, но тут, к его удивлению, недавно налитая кружка успокоительного каким-то непонятным образом со словами «Ган Бэй!» вдруг исчезла во рту китайца.

– Так ты что, и впрямь из Шаолиня?! – удивлённо спросил Леопольд Гульнарвич, поражаясь проворности китайца и повторно наливая себе успокоительного.

– Моя Шаолинь, а твоя кроссовка покупай! – произнёс китаец, суя в руки Леопольда Гульнарвича уже наспех упакованные в целлофановый пакет и перемотанные скотчем кеды.

Отмахиваясь от ветхих кед, усыпанных наклейками «Made in China», Леопольд Гульнарвич вдруг вспомнил, что китайский музыкальный термос с драконами мог бы стать неплохим подарком для будущего руководства.

– Давай моя термос с драконами! – роясь у китайца в сумке, произнёс он.

– А! Чайника! – показывая термос, протяжно произнёс китаец. – Нет тебе! Моя твоя одну чайника не давать! К нему инструкция и костюм! Только всё вместе давать! Тра-

диция! – произнёс он, загадочно поднимая палец вверх.

– Ладно! Давай инструкцию и костюм! – устало махнув рукой, смирился Леопольд Гульнарвич.

Из холщёвого мешка китаец неспешно извлёк толстенную книгу в переплёте из верблюжьей кожи. Название книги было аккуратно выбито серебром на непонятном языке, похожем на персидскую вязь.

– Это что, инструкция?! – вскричал Леопольд Гульнарвич, увидев толстенный фолиант громадных размеров, очень похожий на книгу переписи китайского населения от времён правления первой Династии до сегодняшних дней.

– Ши³⁹, командира! Смотри! – ответил китаец, открыв книгу и показывая рисунки.

– Ух ты! Ух ты! Да это какой-то старинный «Play Boy»! – восторженно покрикивал Леопольд Гульнарвич, рассматривая рисунки. – А это что за карлик в чёрном колпаке? Никак сутенёр?! – внимательно изучая сюжеты, комментировал увиденное Леопольд Гульнарвич.

Тем временем, со словами «А вот и костюма!», китаец аккуратно достал из холщёвого мешка колпак со звёздами, халат и остроносые сандалии с загнутым верхом.

– Вы что там, у вас в Китае, все с ума посходили?! Это что же за чайные церемонии такие, с древним «Play Boy'ем» в руках и в костюме сутенёра?

– Нет сутенёра, это волшебник, Шаолинь!! – многозначи-

³⁹ Ши – утвердительный ответ, «да» (кит.)

тельно пояснил китаец, указывая на колпак со звёздами.

– Знаю я таких волшебников, бывало, встречались! – про-
изнёс Леопольд Гульнарлович, рассматривая в разных ракур-
сах рисунки сцен с находкой золота и сменой имиджа Аль-
Мажнуна с белого на чёрный. – Слушай, пномпень! А откуда
столько золотища и голых женщин, это что, атрибуты чай-
ной церемонии? И почему всё на каком-то странном языке
написано, похожем на персидскую вязь, у вас же вроде пись-
менность другая?

– Старинная Шаолинская обряда! Если вдруг праздника
какая большая, день рождения или новая года, вся Шаолиня
сразу на арабском говорить и писать! Традиция!

– Вот это вещь! – прокричал Леопольд Гульнарлович, при-
меряя колпак со звёздами, чёрный халат и сандалии Аль-
Мажнуна. – Всё в пору! Я всё беру! Давай своя чайника! –
радостно сообщил Леопольд Гульнарлович китайцу о том, что
покупка состоялась.

«Ну вот я и избавился от этих ужасных предметов! – сияя
от счастья, подумал Донг Жо, на протяжении года стран-
ствий в поездах из Китая в Россию пытавшийся безрезульт-
татно всучить злосчастную, и, как он небезосновательно счи-
тал, принёсшую ему столько невзгод книгу и странный на-
ряд. – Как только брату удалось год назад в поезде „На-
ушки-Москва“ избавиться от той, приносящей неудачи кни-
ги?! Наверное, также в довесок! Он всегда был счастливчи-
ком!» – рассуждал Донг Жо, заворачивая злополучную кни-

гу, несчастливый холщёвый мешок с одеждой и изрядно побывавший в употребление музыкальный термос с драконами в упаковки с наклейками «Made in China».

– Свой подарок забирай! Десять тысяч рублей скорей моя давай! – весьма торжественно, неподдельно сияя от радости счастливого и выгодного избавления от столь долго тяготивших его предметов, произнёс китаец, протягивая свёртки Леопольду Гульнарвичу.

– Замечательно, пномпень! – коротко выразив свой неописуемый восторг от удачной покупки, воскликнул Леопольд Гульнарвич и отсчитал китайцу помятые купюры в размере пяти тысяч.

Опытным взглядом пересчитав купюры ещё в руке Леопольда Гульнарвича, китаец схватил свой багаж и, махнув рукой, скрылся за дверью.

Посматривая рисунки старинной книги, примеряя колпак со звёздами и прохаживаясь в вагон-ресторан в замечательных сандалиях с загнутым верхом, Леопольд Гульнарвич не заметил, как пролетело три дня и три ночи, и поезд прибыл в Москву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.